

Ин Сыинь ночью так и не вернулся.

Шэнь Цинхань, впрочем, и не думал его ждать. Он еще раз повторил про себя наставления по технике меча, а когда почувствовал, что засыпает, спокойно лег спать. Отсутствие или присутствие мужа мало заботило юношу, скорее даже наоборот — когда утром он коснулся пустой и холодной половины постели, он почувствовал мимолетное облегчение.

Пусть всё так и остается. В идеале — пусть он вообще не возвращается.

Накинув на плечи нижнюю рубаху, Цинхань уже собирался обуться, как вдруг дверь в комнату осторожно, с едва слышным скрипом, приоткрылась. Он поднял голову. На пороге стоял Ин Сыинь: в руках он что-то нес, но внимание Цинханя привлекло другое — на шее маркиза алел пугающе яркий, свежий след.

— Проснулся? — вкрадчиво спросил Ин Сыинь.

Он поставил на стол фарфоровую чашу и добавил:

— Как спалось? Я...

Шэнь Цинхань нахмурился. В груди шевельнулось странное, липкое чувство брезгливости. Отводя взгляд, он молча уткнулся в свои сапоги.

Ин Сыинь не сразу понял, в чем дело. Он машинально коснулся шеи, а затем с мягкой улыбкой подошел ближе и опустил на колено прямо перед юношей. Перехватив обувь из его рук, маркиз прошептал:

— Ревнуешь? Послушай, я всё объясню.

След на коже действительно оставил Ин Цзинвэнь. Тот внезапно набросился на брата, и Ин Сыинь, не раздумывая, оттолкнул его. Но стоило ему применить силу, как у императора случился очередной приступ. Всю ночь во дворце царил хаос: лекари сменяли друг друга, варили снадобья, мерили пульс... Ин Сыинь просто не мог со спокойной совестью бросить всё и уйти спать.

Просидев у постели больного до рассвета, он дождался, пока Цзинвэнь придет в себя, и тут же велел кухне приготовить горячую кашу с курицей и овощами, чтобы лично принести её Цинханю и заслужить прощение.

— Не желаю слушать, — процедил Шэнь Цинхань.

С плохо скрываемым раздражением он вырвал сапог из рук мужа, быстро обулся и, накинув

верхнюю одежду, направился к выходу.

— Эй... — Ин Сыннь попытался его задержать, но схватил лишь пустоту.

Цинхань уходил стремительно. Маркиз растерянно смотрел ему в спину, не зная, что предпринять.

— Цинхань, ты... хотя бы позавтракай, прежде чем идти на тренировку!

Ответа не последовало. Шэнь Смурной сегодня явно был не в духе.

Этим утром Гу Цзэсяо качался на качелях у пруда Изумрудной Воды. В поместье накануне привезли двух щенков охотничьей породы — черных как смоль. Сказали, что когда те вырастут, станут свирепыми волкодавами, но пока малыши едва держались на лапах. Старый дворецкий Ань-бо заботливо подпаивал их козьим молоком из блюда.

— Э-хэ-хе... — в очередной раз тяжело вздохнул Гу Цзэсяо, всем своим видом выражая мировую скорбь.

— Да что с тобой такое, малец? — не выдержал старик. — С самого рассвета вздыхаешь так, будто горы рушатся. Неужто приглянулась какая барышня, а она на тебя и смотреть не хочет?

— Смеетесь? Да стоит мне, такому красавцу, просто выйти на улицу — и все девицы Цзибэя падут к моим ногам! Кто этот слепец, что посмеет меня игнорировать?

— Тогда чего же ты маешься? — Дворецкий бережно вытер молочные мордочки щенков, взобравшихся на каменный стол. — Расскажи-ка Ань-бо, может, полегчает.

Цзэсяо прыгнул с качелей и уселся на табурет напротив старика. Одной рукой он подпер подбородок, а другой принялся бесцеремонно тискать черного щенка.

— Ань-бо, я ведь с детства считал господина маркиза своим кумиром.

— Ну.

— Он ведь такой крутой! Если бы он только захотел стать императором, он бы...

Звонкий подзатыльник прервал речь мальчишки. Старый дворецкий прижал палец к губам, призывая к тишине.

— В поместье хоу Цзибэй сейчас чужаки, дурень! Решил маркиза под плаху подвести?

— Хм, — Цзэсяо обиженно потер макушку. — Если бы господин маркиз сам не захотел подыхать, кто в поднебесной смог бы ему помешать?

— Маркиз хоть и велик, но всё же обычный человек.

— Обычный? Ну да, конечно! Таскается хвостиком за этим Шэнь Цинханем — любой гений в такого придурка превратится. У этого Шэнь характер — врагу не пожелаешь, а маркиз будто шелковый стал. Он же никогда не был из тех, кто по мелочам убивается, а теперь гляньте на него: готов сам и обстирать, и накормить, и сапоги почистить! Неужто он того стоит? Этот Цинхань вечно нос воротит, капризничает... Да я бы на месте маркиза его кнутом разок огрел, посмотрел бы тогда, как он рожи корчит! Я считаю, вся эта наглость — от того, что его разбаловали.

— Маркиз всегда отдавал сердце тому, что ему дорого.

— Ань-бо, неужели вам совсем не тревожно? — Цзэсяо всплеснул руками, мол, «даже я, ребенок, места себе не нахожу, а вы, взрослые, и бровью не ведете?».

— А толку-то тревожиться? Когда наш маркиз был близок с Его Величеством, господин Сыма все зубы стер, пытаюсь его образумить. И что, послушал он его хоть раз?

— По мне, так маркизу лучше всего было бы остаться с братом Сыма, — Цзэсяо сокрушенно покачал головой, соболезнуя «идеальной паре», которой не суждено было сложиться.

Сыма Вэйхоу был младше Ин Сыиня на восемь лет, они дружили с малых ногтей. И в те времена Сыме было плевать на Ин Цзинвэня и на то, какие чувства связывают его с маркизом. У него была одна четкая цель: посадить Ин Сыиня на трон.

Чтобы прочистить маркизу мозги, Сыма Вэйхоу ругался с ним до хрипоты, спорил и даже грозил, что если тот упустит шанс, они все вместе отправятся на тот свет.

Кто же знал, что их господин окажется таким... мягкотелым? Корона была на расстоянии вытянутой руки, нужно было сделать лишь шаг, но стоило тому, другому, пролить пару слезинок — и сердце маркиза дрогнуло.

Тьфу...

Благо, в поместье хоу Цзибэй люди верные. Ин Сыинь ради мужчины превратился в тень самого себя, и Сыма Вэйхоу оставалось лишь наблюдать, как плоды многолетних трудов превращаются в пепел. Скрепя сердце, он лично проводил Ин Сыиня обратно в Цзибэй. На прощание он сказал лишь: «Путь в тысячу ли покажет силу коня, а время — истинное лицо

человека».

Мол, поживем — увидим, что за дрянь этот Ин Цзинвэнь.

И вот, дожили. Маркиз так и не понял, человек император или бес, зато уже вовсю помчался ухаживать за новым «увлечением».

— Простите, что прерываю вас.

Евнух Юньцзинь, обшаривший всё поместье в поисках маркиза, наконец набрел на знакомые лица — Гу Цзэсяо и старого дворецкого.

— Евнух Юньцзинь? — Дворецкий поспешно поднялся, приветствуя гостя. — У Его Величества есть поручения?

— Какие там поручения... Небось опять потерял маркиза и места себе не находит, — буркнул Цзэсяо, задрал нос к небу.

— Цзэсяо, не дерзи! — прикрикнул старик, после чего вежливо обратился к евнуху: — Простите мальчишку, мал еще, глупости говорит.

Юньцзинь лишь вздохнул:

— Маленький господин прав. Его Величество действительно ищет господина маркиза. Вы не знаете, где он может быть?

Дворецкий замялся.

Гу Цзэсяо, не выпуская щенка из рук, поднялся и пояснил:

— Ищете маркиза? Тогда выходите за ворота и дуйте направо. На большом перекрестке — снова направо, а потом просто идите по кругу. Обязательно на него наткнетесь.

— Маркиза нет в поместье? — удивился евнух.

Шесть лет лазутчики доносили, что Ин Сыинь не переступал порога своих владений ни на шаг. Как же вышло, что стоило императору прибыть, как маркиз тут же испарился?

— Куда Шэнь Цинхань, туда и он, — отрезал Цзэсяо. — Я видел, как они выходили один за другим. Но я бы вам не советовал соваться. У этого Шэня характер — туши свет: чем больше вы будете звать маркиза домой, тем больше шансов, что тот назло не вернется. Маркиз его балует без памяти. Так что, если у Его Величества нет ничего срочного, пусть обождет. К ночи эти двое наверняка заявятся обратно.

Ин Цзинвэнь был императором Поднебесной, но в поместье хоу Цзибэй его, казалось, никто в грош не ставил. Особенно люди Сыма Вэйхоу. Живя у самого подножия императорского престола, они будто на лбу у себя выжгли: «Эту власть тебе подарил Ин Сыинь, так что имей совесть и не лезь».

— Они правда так сказали?

— Слово в слово, Ваше Величество. Как услышал — сразу к вам. Позвольте помочь вам подняться?

— Помоги.

Ин Цзинвэнь протянул руку, и Юньцзинь тут же подхватил его, помогая сесть в постели.

Болезнь, лекарства... Император надеялся, что, открыв глаза, увидит встревоженный взгляд Ин Сыиня. А вместо этого — новость: его «верный пес» опять убежал выклянчивать прощение у новой пассии.

Горечь поражения жгла изнутри. Раньше Ин Сыинь возносил его до небес, а теперь безжалостно сбрасывал в грязь. Цзинвэня затрясло, лицо оставалось мертвенно-бледным, а губы отливали нездоровой синевой.

Сейчас, в этом жалком состоянии, он не мог тягаться с юным и прекрасным Шэнь Цинханем. Когда тот злится или капризничает — это будоражит кровь, а когда капризничает император — это выглядит как манерное нытье больного старика.

— Ваше Величество, не медлите. Глядя на нынешнее поведение хоу Сяовэня, мы понимаем — оставлять его в живых нельзя, — Юньцзинь набросил на плечи господина теплую одежду, оберегая от ночного сквозняка.

— Оставлять или нет... разве это когда-то зависело от нас?

— Ваше Величество, влияние маркиза уже не то, что шесть лет назад. Подумайте сами: кроме Сыма Вэйхоу да Шан Лююня, кто еще посмеет открыто встать на его сторону в совете?

Ин Цзинвэнь молчал.

— Государь, репутация Ин Сыиня была растоптана еще десять лет назад, — продолжал евнух.
— А теперь, после событий в Поместье Разбитой Воды и Городе Легкого Инея, у нас есть идеальный повод. Под видом тщательного расследования мы привлечем великие кланы и семьи мастеров — и вместе искореним эту заразу.

Юньцзинь понизил голос:

— Долина Скрытой Луны в горах Цаншань, Пик Облачного Возвышения и Объятий Луны, клан Мо из Линьяня в Северной пустыне... Эти трое еще колеблются. С ними мы свяжемся тайно. Главное сейчас — лишить власти Сыма Вэйхоу в академии Ханьлинь и Шан Лююня в Императорском судебном приказе. Нужно пообрывать маркизу когти и вырвать клыки. Пусть сначала почувствует настоящую боль.

<http://bllate.org/book/17523/1659091>